BAMBOO CLASSIC

ДЯДЯ ВАНЯ

А.П. Чехов

Дядя Ваня

Антон Павлович Чехов

Действующие лица
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Действие четвертое

Действующие лица

Серебряков Александр Владимирович, отставной профессор.

Елена Андреевна, его жена, 27 лет.

Софья Александровна (Соня), его дочь от первого брака.

Войницкая Мария Васильевна, вдова тайного советника, мать первой жены профессора.

Войницкий Иван Петрович, ее сын.

Астров Михаил Львович, врач.

Телегин Илья Ильич, обедневший помещик.

Марина, старая няня.

Работник.

Действие происходит в усадьбе **Серебрякова**.

Действие первое

Сад. Видна часть дома с террасой. На аллее под старым тополем стол, сервированный для чая. Скамьи, стулья; на одной из скамей лежит гитара.

Недалеко от стола качели. — Третий час дня. Пасмурно.

***Марина** (сырая, малоподвижная старушка, сидит у самовара, вяжет чулок) и **Астров** (ходит возле).*

Марина *(наливает стакан).* Кушай, батюшка.

Астров *(нехотя принимает стакан).* Что-то не хочется.

Марина. Может, водочки выпьешь?

Астров. Нет. Я не каждый день водку пью. К тому же душно.

Пауза.

Нянька, сколько прошло, как мы знакомы?

Марина *(раздумывая).* Сколько? Дай бог память… Ты приехал сюда, в эти края… когда?.. еще жива была Вера Петровна, Сонечкина мать. Ты при ней к нам две зимы ездил… Ну, значит,

лет одиннадцать прошло. *(Подумав.)* А может, и больше…

Астров. Сильно я изменился с тех пор?

Марина. Сильно. Тогда ты молодой был, красивый, а теперь постарел. И красота уже не та. Тоже сказать — и водочку пьешь.

Астров. Да… В десять лет другим человеком стал. А какая причина? Заработался, нянька. От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили. За все время, пока мы с тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободного. Как не постареть? Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна… Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя становишься чудаком. Неизбежная участь. *(Закручивая свои длинные усы.)* Ишь громадные усы выросли… Глупые усы. Я стал чудаком, нянька… Поглупеть-то я еще не поглупел, бог милостив, мозги на своем месте, но чувства как-то притупились. Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю… Вот разве тебя только люблю. *(Целует ее в голову.)* У меня в детстве была такая же нянька.

Марина. Может, ты кушать хочешь?

Астров. Нет. В великом посту на третьей неделе поехал я в Малицкое на эпидемию… Сыпной тиф… В избах народ вповалку… Грязь, вонь, дым, телята на полу, с больными вместе… Поросята тут же… Возился я целый день, не присел, маковой росинки во рту не было, а приехал домой, не дают отдохнуть — привезли с железной дороги стрелочника; положил я его на стол, чтобы ему операцию делать, а он возьми и умри у меня под хлороформом. И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне, и защемило мою совесть, точно это я умышленно убил его… Сел я, закрыл глаза — вот этак, и думаю: те, которые будут жить через сто — двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом? Нянька, ведь не помянут!

Марина. Люди не помянут, зато Бог помянет.

Астров. Вот спасибо. Хорошо ты сказала.

Входит ***Войницкий****.*

Войницкий *(выходит из дому; он выспался после завтрака и имеет помятый вид; садится на скамью, поправляет свой щегольской галстук).* Да…

Пауза.

Да…

Астров. Выспался?

Войницкий. Да… Очень. *(Зевает.)* С тех пор как здесь живет профессор со своею супругой, жизнь выбилась из колеи… Сплю не вовремя, за завтраком и обедом ем разные кабули, пью вина… нездорово все это! Прежде минуты свободной не было, я и Соня работали — мое почтение, а теперь работает одна Соня, а я сплю, ем, пью… Нехорошо!

Марина *(покачав головой).* Порядки! Профессор встает в двенадцать часов, а самовар кипит с утра, все его дожидается. Без них обедали всегда в первом часу, как везде у людей, а при них в седьмом. Ночью профессор читает и пишет, и вдруг часу во втором звонок… Что такое, батюшки? Чаю! Буди для него народ, ставь самовар… Порядки!

Астров. И долго они еще здесь проживут?

Войницкий *(свистит).* Сто лет. Профессор решил поселиться здесь.

Марина. Вот и теперь. Самовар уже два часа на столе, а они гулять пошли.

Войницкий. Идут, идут… Не волнуйся.

Слышны голоса; из глубины сада, возвращаясь с прогулки, идут ***Серебряков, Елена Андреевна, Соня*** *и* ***Телегин****.*

Серебряков. Прекрасно, прекрасно… Чудесные виды.

Телегин. Замечательные, ваше превосходительство.

Соня. Мы завтра поедем в лесничество, папа. Хочешь?

Войницкий. Господа, чай пить!

Серебряков. Друзья мои, пришлите мне чай в кабинет, будьте добры! Мне сегодня нужно еще кое-что сделать.

Соня. А в лесничестве тебе непременно понравится…

Елена Андреевна, Серебряков *и* ***Соня*** *уходят в дом;* ***Телегин*** *идет к столу и садится возле* ***Марины****.*

Войницкий. Жарко, душно, а наш великий ученый в пальто, в калошах, с зонтиком и в перчатках.

Астров. Стало быть, бережет себя.

Войницкий. А как она хороша! Как хороша! Во всю свою жизнь не видел женщины красивее.

Телегин. Еду ли я по полю, Марина Тимофеевна, гуляю ли в тенистом саду, смотрю ли на этот стол, я испытываю неизъяснимое блаженство! Погода очаровательная, птички поют, живем мы

все в мире и согласии, — чего еще нам? *(Принимая стакан.)* Чувствительно вам благодарен!

Войницкий *(мечтательно).* Глаза… Чудная женщина!

Астров. Расскажи-ка что-нибудь, Иван Петрович.

Войницкий *(вяло).* Что тебе рассказать?

Астров. Нового нет ли чего?

Войницкий. Ничего. Все старо. Я тот же, что и был, пожалуй, стал хуже, так как обленился, ничего не делаю и только ворчу, как старый хрен. Моя старая галка, maman, все еще лепечет про женскую эмансипацию; одним глазом смотрит в могилу, а другим ищет в своих умных книжках зарю новой жизни.

Астров. А профессор?

Войницкий. А профессор по-прежнему от утра до глубокой ночи сидит у себя в кабинете и пишет. «Напрягши ум, наморщивши чело, всё оды пишем, пишем, и ни себе, ни им похвал нигде не слышим». Бедная бумага! Он бы лучше свою автобиографию написал. Какой это превосходный сюжет! Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, ученая вобла… Подагра, ревматизм, мигрень, от ревности и зависти вспухла печенка… Живет эта вобла в имении своей пер-

вой жены, живет поневоле, потому что жить в городе ему не по карману. Вечно жалуется на свои несчастья, хотя, в сущности, сам необыкновенно счастлив. *(Нервно.)* Ты только подумай, какое счастье! Сын простого дьячка, бурсак, добился ученых степеней и кафедры, стал его превосходительством, зятем сенатора и прочее и прочее. Все это не важно, впрочем. Но ты возьми вот что. Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Двадцать пять лет он пережевывает чужие мысли о реализме, натурализме и всяком другом вздоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно: значит, двадцать пять лет переливает из пустого в порожнее. И в то же время какое самомнение! Какие претензии! Он вышел в отставку, и его не знает ни одна живая душа, он совершенно неизвестен; значит, двадцать пять лет он занимал чужое место. А посмотри: шагает, как полубог!

Астров. Ну, ты, кажется, завидуешь.

Войницкий. Да, завидую! А какой успех у женщин! Ни один Дон-Жуан не знал такого полного успеха! Его первая жена, моя сестра, прекрасное, кроткое создание, чистая, как вот это голубое

небо, благородная, великодушная, имевшая поклонников больше, чем он учеников, — любила его так, как могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами. Моя мать, его теща, до сих пор обожает его, и до сих пор он внушает ей священный ужас. Его вторая жена, красавица, умница — вы ее только что видели, — вышла за него, когда уже он был стар, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блеск. За что? Почему?

Астров. Она верна профессору?

Войницкий. К сожалению, да.

Астров. Почему же к сожалению?

Войницкий. Потому что эта верность фальшива от начала до конца. В ней много риторики, но нет логики. Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, — это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство — это не безнравственно.

Телегин *(плачущим голосом).* Ваня, я не люблю, когда ты это говоришь. Ну вот, право… Кто изменяет жене или мужу, тот, значит, неверный человек, тот может изменить и отечеству!

Войницкий *(с досадой).* Заткни фонтан, Вафля!

Телегин. Позволь, Ваня. Жена моя бежала от меня на другой день после свадьбы с любимым

человеком по причине моей непривлекательной наружности. После того я своего долга не нарушал. Я до сих пор ее люблю и верен ей, помогаю чем могу и отдал свое имущество на воспитание деточек, которых она прижила с любимым человеком. Счастья я лишился, но у меня осталась гордость. А она? Молодость уже прошла, красота под влиянием законов природы поблекла, любимый человек скончался… Что же у нее осталось?

Входят ***Соня*** *и* ***Елена Андреевна****; немного погодя входит* ***Мария Васильевна*** *с книгой; она садится и читает; ей дают чаю, и она пьет не глядя.*

Соня *(торопливо, няне).* Там, нянечка, мужики пришли. Поди поговори с ними, а чай я сама… *(Наливает чай.)*

Няня уходит.

Елена Андреевна берет свою чашку и пьет, сидя на качелях.

Астров *(Елене Андреевне).* Я ведь к вашему мужу. Вы писали, что он очень болен, ревматизм и еще что-то, а, оказывается, он здоровехонек.

Елена Андреевна. Вчера вечером он хандрил, жаловался на боли в ногах, а сегодня ничего…

Астров. А я-то сломя голову скакал тридцать верст. Ну, да ничего, не впервой. Зато уж останусь у вас до завтра и, по крайней мере, высплюсь quantum satis.[1]

Соня. И прекрасно. Это такая редкость, что вы у нас ночуете. Вы небось не обедали?

Астров. Нет-с, не обедал.

Соня. Так вот кстати и пообедаете. Мы теперь обедаем в седьмом часу. *(Пьет.)* Холодный чай!

Телегин. В самоваре уже значительно понизилась температура.

Елена Андреевна. Ничего, Иван Иваныч, мы и холодный выпьем.

Телегин. Виноват-с… Не Иван Иваныч, а Илья Ильич-с… Илья Ильич Телегин, или, как некоторые зовут меня по причине моего рябого лица, Вафля. Я когда-то крестил Сонечку, и его превосходительство, ваш супруг, знает меня очень хорошо. Я теперь у вас живу-с, в этом имении-с… Если изволили заметить, я каждый день с вами обедаю.

Соня. Илья Ильич — наш помощник, правая рука. *(Нежно.)* Давайте, крестненький, я вам еще налью.

---

1 Примечания: 1
Сколько надо, вволю *(лат.).*

Мария Васильевна. Ах!

Соня. Что с вами, бабушка?

Мария Васильевна. Забыла я сказать Александру… потеряла память… сегодня получила я письмо из Харькова от Павла Алексеевича… Прислал свою новую брошюру…

Астров. Интересно?

Мария Васильевна. Интересно, но как-то странно. Опровергает то, что семь лет назад сам же защищал. Это ужасно!

Войницкий. Ничего нет ужасного. Пейте, maman, чай.

Мария Васильевна. Но я хочу говорить!

Войницкий. Но мы уже пятьдесят лет говорим, и говорим, и читаем брошюры. Пора бы уж и кончить.

Мария Васильевна. Тебе почему-то неприятно слушать, когда я говорю. Прости, Жан, но в последний год ты так изменился, что я тебя совершенно не узнаю… Ты был человеком определенных убеждений, светлою личностью.

Войницкий. О да! Я был светлою личностью, от которой никому не было светло…

Пауза.

Я был светлою личностью… Нельзя сострить

ядовитей! Теперь мне сорок семь лет. До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза вашею этою схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, — и думал, что делаю хорошо. А теперь, если бы вы знали! Я ночи не сплю с досады, от злости, что так глупо проворонил время, когда мог бы иметь все, в чем отказывает мне теперь моя старость!

Соня. Дядя Ваня, скучно!

Мария Васильевна *(сыну).* Ты точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения… Но виноваты не они, а ты сам. Ты забывал, что убеждения сами по себе ничто, мертвая буква… Нужно было дело делать.

Войницкий. Дело? Не всякий способен быть пишущим perpetuum mobile,[2] как ваш герр профессор.

Мария Васильевна. Что ты хочешь этим сказать?

Соня *(умоляюще).* Бабушка! Дядя Ваня! Умоляю вас!

Войницкий. Я молчу. Молчу и извиняюсь.

Пауза.

---

2 Примечания: 2
Вечным двигателем *(лат.).*

Елена Андреевна. А хорошая сегодня погода… Не жарко…

Пауза.

Войницкий. В такую погоду хорошо повеситься…

Телегин настраивает гитару.
***Марина** ходит около дома и кличет кур.*

Марина. Цып, цып, цып…
Соня. Нянечка, зачем мужики приходили?..
Марина. Всё то же, опять всё насчет пустоши. Цып, цып, цып…
Соня. Кого ты это?
Марина. Пеструшка ушла с цыплятами… Вороны бы не потаскали… *(Уходит.)*

*Телегин играет польку; все молча слушают; входит **работник**.*

Работник. Господин доктор здесь? *(Астрову.)* Пожалуйте, Михаил Львович, за вами приехали.
Астров. Откуда?
Работник. С фабрики.
Астров *(с досадой).* Покорно благодарю. Что ж, надо ехать… *(Ищет глазами фуражку.)* Досадно, черт подери…

Соня. Как это неприятно, право… С фабрики приезжайте обедать.

Астров. Нет, уж поздно будет. Где уж… Куда уж… *(Работнику.)* Вот что, притащи-ка мне, любезный, рюмку водки в самом деле.

Работник уходит.

Где уж… куда уж… *(Нашел фуражку.)* У Островского в какой-то пьесе есть человек с большими усами и малыми способностями… Так это я. Ну, честь имею, господа… *(Елене Андреевне.)* Если когда-нибудь заглянете ко мне, вот вместе с Софьей Александровной, то буду искренно рад. У меня небольшое именьишко, всего десятин тридцать, но, если интересуетесь, образцовый сад и питомник, какого не найдете за тысячу верст кругом. Рядом со мною казенное лесничество… Лесничий там стар, болеет всегда, так что, в сущности, я заведую всеми делами.

Елена Андреевна. Мне уже говорили, что вы очень любите леса. Конечно, можно принести большую пользу, но разве это не мешает вашему настоящему призванию? Ведь вы доктор.

Астров. Одному богу известно, в чем наше настоящее призвание.

Елена Андреевна. И интересно?

Астров. Да, дело интересное.

Войницкий *(с иронией).* Очень!

Елена Андреевна *(Астрову).* Вы еще молодой человек, вам на вид… ну, тридцать шесть — тридцать семь лет… и, должно быть, не так интересно, как вы говорите. Все лес и лес. Я думаю, однообразно.

Соня. Нет, это чрезвычайно интересно. Михаил Львович каждый год сажает новые леса, и ему уже прислали бронзовую медаль и диплом. Он хлопочет, чтобы не истребляли старых. Если вы выслушаете его, то согласитесь с ним вполне. Он говорит, что леса украшают землю, что они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. В странах, где мягкий климат, меньше тратится сил на борьбу с природой, и потому там мягче и нежнее человек; там люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства…

Войницкий *(смеясь).* Браво, браво!.. Все это мило, но не убедительно, так что *(Астрову)* позволь мне, мой друг, продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева.

Астров. Ты можешь топить печи торфом, а сараи строить из камня. Ну, я допускаю, руби леса из нужды, но зачем истреблять их? Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо. *(Елене Андреевне.)* Не правда ли, сударыня? Надо быть безрассудным варваром, чтобы жечь в своей печке эту красоту, разрушать то, чего мы не можем создать. Человек одарен разумом и творческою силой, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее. *(Войницкому.)* Вот ты глядишь на меня с иронией, и все, что я говорю, тебе кажется несерьезным, и… и, быть может, это в самом деле чудачество, но когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и

я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью, и я… *(Увидев работника, который принес на подносе рюмку водки.)* Однако… *(пьет)* мне пора. Все это, вероятно, чудачество в конце концов. Честь имею кланяться! *(Идет к дому.)*

Соня *(берет его под руку и идет вместе).* Когда же вы приедете к нам?

Астров. Не знаю…

Соня. Опять через месяц?..

Астров и Соня уходят в дом; Мария Васильевна и Телегин остаются возле стола; Елена Андреевна и Войницкий идут к террасе.

Елена Андреевна. А вы, Иван Петрович, опять вели себя невозможно. Нужно было вам раздражать Марию Васильевну, говорить о perpetuum mobile! И сегодня за завтраком вы опять спорили с Александром. Как это мелко!

Войницкий. Но если я его ненавижу!

Елена Андреевна. Ненавидеть Александра не за что, он такой же, как все. Не хуже вас.

Войницкий. Если бы вы могли видеть свое лицо, свои движения… Какая вам лень жить! Ах, какая лень!

Елена Андреевна. Ах, и лень и скучно! Все

бранят моего мужа, все смотрят на меня с сожалением: несчастная, у неё старый муж! Это участие ко мне — о, как я его понимаю! Вот как сказал сейчас Астров: все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется. Точно так вы безрассудно губите человека, и скоро благодаря вам на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете видеть равнодушно женщину, если она не ваша? Потому что, — прав этот доктор, — во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга.

Войницкий. Не люблю я этой философии!

Пауза.

Елена Андреевна. У этого доктора утомленное, нервное лицо. Интересное лицо. Соне, очевидно, он нравится, она влюблена в него, и я ее понимаю. При мне он был здесь уже три раза, но я застенчива и ни разу не поговорила с ним как следует, не обласкала его. Он подумал, что я зла. Вероятно, Иван Петрович, оттого мы с вами такие друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные! Не смотрите на меня так, я этого не люблю.

Войницкий. Могу ли я смотреть на вас иначе, если я люблю вас? Вы мое счастье, жизнь, моя

молодость! Я знаю, шансы мои на взаимность ничтожны, равны нулю, но мне ничего не нужно, позвольте мне только глядеть на вас, слышать ваш голос…

Елена Андреевна. Тише, вас могут услышать!

Идут в дом.

Войницкий *(идя за нею).* Позвольте мне говорить о своей любви, не гоните меня прочь, и это одно будет для меня величайшим счастьем…

Елена Андреевна. Это мучительно…

Оба уходят в дом.

Телегин бьет по струнам и играет польку; Мария Васильевна что-то записывает па полях брошюры.

Занавес

Действие второе

Столовая в доме Серебрякова. — Ночь. — Слышно, как в саду стучит сторож.

Серебряков *(сидит в кресле перед открытым окном и дремлет) и* ***Елена Андреевна*** *(сидит подле него и тоже дремлет).*

Серебряков *(очнувшись).* Кто здесь? Соня, ты?

Елена Андреевна. Это я.

Серебряков. Ты, Леночка… Невыносимая боль!

Елена Андреевна. У тебя плед упал на пол. *(Кутает ему ноги.)* Я, Александр, затворю окно.

Серебряков. Нет, мне душно… Я сейчас задремал, и мне снилось, будто у меня левая нога чужая. Проснулся от мучительной боли. Нет, это не подагра, скорей ревматизм. Который теперь час?

Елена Андреевна. Двадцать минут первого.

Пауза.

Серебряков. Утром поищи в библиотеке Батюшкова. Кажется, он есть у нас.

Елена Андреевна. А?

Серебряков. Поищи утром Батюшкова. Пом-

нится, он был у нас. Но отчего мне так тяжело дышать?

Елена Андреевна. Ты устал. Вторую ночь не спишь.

Серебряков. Говорят, у Тургенева от подагры сделалась грудная жаба. Боюсь, как бы у меня не было. Проклятая, отвратительная старость. Черт бы ее побрал. Когда я постарел, я стал себе противен. Да и вам всем, должно быть, противно на меня смотреть.

Елена Андреевна. Ты говоришь о своей старости таким тоном, как будто все мы виноваты, что ты стар.

Серебряков. Тебе же первой я противен.

Елена Андреевна отходит и садится поодаль.

Конечно, ты права. Я не глуп и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старик, почти труп. Что ж? Разве я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сих пор жив. Но погодите, скоро я освобожу вас всех. Недолго мне еще придется тянуть.

Елена Андреевна. Я изнемогаю… Бога ради, молчи.

Серебряков. Выходит так, что благодаря мне все изнемогли, скучают, губят свою молодость,

один только я наслаждаюсь жизнью и доволен. Ну да, конечно!

Елена Андреевна. Замолчи! Ты меня замучил!

Серебряков. Я всех замучил. Конечно.

Елена Андреевна *(сквозь слезы).* Невыносимо! Скажи, что ты хочешь от меня?

Серебряков. Ничего.

Елена Андреевна. Ну, так замолчи. Я прошу.

Серебряков. Странное дело, заговорит Иван Петрович или эта старая идиотка, Марья Васильевна, — и ничего, все слушают, но скажи я хоть одно слово, как все начинают чувствовать себя несчастными. Даже голос мой противен. Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, но неужели я даже в старости не имею некоторого права на эгоизм? Неужели я не заслужил? Неужели же, я спрашиваю, я не имею права на покойную старость, на внимание к себе людей?

Елена Андреевна. Никто не оспаривает у тебя твоих прав.

Окно хлопает от ветра.

Ветер поднялся, я закрою окно. (Закрывает.) Сейчас будет дождь. Никто у тебя твоих прав не оспаривает.

Пауза; сторож в саду стучит и поет песню.

Серебряков. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть к своему кабинету, к аудитории, к почтенным товарищам — и вдруг, ни с того ни с сего, очутиться в этом склепе, каждый день видеть тут глупых людей, слушать ничтожные разговоры… Я хочу жить, я люблю успех, люблю известность, шум, а тут — как в ссылке. Каждую минуту тосковать о прошлом, следить за успехами других, бояться смерти… Не могу! Нет сил! А тут еще не хотят простить мне моей старости!

Елена Андреевна. Погоди, имей терпение: через пять-шесть лет и я буду стара.

Входит ***Соня****.*

Соня. Папа, ты сам приказал послать за доктором Астровым, а когда он приехал, ты отказываешься принять его. Это неделикатно. Только напрасно побеспокоили человека…

Серебряков. На что мне твой Астров? Он столько же понимает в медицине, как я в астрономии.

Соня. Не выписывать же сюда для твоей подагры целый медицинский факультет.

Серебряков. С этим юродивым я и разговаривать не стану.

Соня. Это как угодно. *(Садится.)* Мне все равно.

Серебряков. Который теперь час?

Елена Андреевна. Первый.

Серебряков. Душно… Соня, дай мне со стола капли!

Соня. Сейчас. *(Подает капли.)*

Серебряков *(раздраженно).* Ах, да не эти! Ни о чем нельзя попросить!

Соня. Пожалуйста, не капризничай. Может быть, это некоторым и нравится, но меня избавь, сделай милость! Я этого не люблю. И мне некогда, мне нужно завтра рано вставать, у меня сенокос.

*Входит **Войницкий** в халате и со свечой.*

Войницкий. На дворе гроза собирается.

Молния.

Вона как! Hélène и Соня, идите спать, я пришел вас сменить!

Серебряков *(испуганно).* Нет, нет! Не оставляйте меня с ним! Нет. Он меня заговорит!

Войницкий. Но надо же дать им покой! Они уже другую ночь не спят.

Серебряков. Пусть идут спать, но и ты уходи. Благодарю. Умоляю тебя. Во имя нашей прежней дружбы, не протестуй. После поговорим.

Войницкий *(с усмешкой).* Прежней нашей дружбы… Прежней…

Соня. Замолчи, дядя Ваня.

Серебряков *(жене).* Дорогая моя, не оставляй меня с ним! Он меня заговорит.

Войницкий. Это становится даже смешно.

Входит ***Марина*** *со свечой.*

Соня. Ты бы ложилась, нянечка. Уже поздно.

Марина. Самовар со стола не убран. Не очень-то ляжешь.

Серебряков. Все не спят, изнемогают, один только я блаженствую.

Марина *(подходит к Серебрякову, нежно).* Что, батюшка? Больно? У меня у самой ноги гудут, так и гудут. *(Поправляет плед.)* Это у вас давняя болезнь. Вера Петровна, покойница, Сонечкина мать, бывало, ночи не спит, убивается… Очень уж она вас любила…

Пауза.

Старые что малые, хочется, чтобы пожалел кто, а старых-то никому не жалко. *(Целует Серебрякова в плечо.)* Пойдем, батюшка, в постель… Пойдем, светик… Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею… Богу за тебя помолюсь…

Серебряков *(растроганный).* Пойдем, Марина.

Марина. У самой-то у меня ноги так и гудут,

так и гудут! *(Ведет его вместе с Соней.)* Вера Петровна, бывало, все убивается, все плачет… Ты, Сонюшка, тогда была еще мала, глупа… Иди, иди, батюшка…

Серебряков, Соня и Марина уходят.

Елена Андреевна. Я замучилась с ним. Едва на ногах стою.

Войницкий. Вы с ним, а я с самим собою. Вот уже третью ночь не сплю.

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Ваша мать ненавидит все, кроме своих брошюр и профессора; профессор раздражен, мне не верит, вас боится; Соня злится на отца, злится на меня и не говорит со мною вот уже две недели; вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать; я раздражена и сегодня раз двадцать принималась плакать… Неблагополучно в этом доме.

Войницкий. Оставим философию!

Елена Андреевна. Вы, Иван Петрович, образованны и умны и, кажется, должны бы понимать, что мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дрязг… Ваше бы дело не ворчать, а мирить всех.

Войницкий. Сначала помирите меня с самим собою! Дорогая моя… *(Припадает к ее руке.)*

Елена Андреевна. Оставьте! *(Отнимает руку.)* Уходите!

Войницкий. Сейчас пройдет дождь, и все в природе освежится и легко вздохнет. Одного только меня не освежит гроза. Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и моя любовь: куда мне их девать, что мне с ними делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну.

Елена Андреевна. Когда вы мне говорите о своей любви, я как-то тупею и не знаю, что говорить. Простите, я ничего не могу сказать вам. *(Хочет идти.)* Спокойной ночи.

Войницкий *(загораживая ей дорогу).* И если бы вы знали, как я страдаю от мысли, что рядом со мною в этом же доме гибнет другая жизнь — ваша! Чего вы ждете? Какая проклятая философия мешает вам? Поймите же, поймите…

Елена Андреевна *(пристально смотрит на него).* Иван Петрович, вы пьяны!

Войницкий. Может быть, может быть…

Елена Андреевна. Где доктор?

Войницкий. Он там… у меня ночует. Может

быть, может быть… Все может быть!

Елена Андреевна. И сегодня пили? К чему это?

Войницкий. Все-таки на жизнь похоже… Не мешайте мне, Hélène!

Елена Андреевна. Раньше вы никогда не пили, и никогда вы так много не говорили… Идите спать! Мне с вами скучно.

Войницкий *(припадая к ее руке).* Дорогая моя… чудная!

Елена Андреевна *(с досадой).* Оставьте меня. Это наконец противно. *(Уходит.)*

Войницкий *(один).* Ушла…

Пауза.

Десять лет тому назад я встречал ее у покойной сестры. Тогда ей было семнадцать, а мне тридцать семь лет. Отчего я тогда не влюбился в нее и не сделал ей предложения? Ведь это было так возможно! И была бы она теперь моею женой… Да… Теперь оба мы проснулись бы от грозы; она испугалась бы грома, а я держал бы ее в своих объятиях и шептал: «Не бойся, я здесь». О, чудные мысли, как хорошо, я даже смеюсь… но, боже мой, мысли путаются в голове… Зачем я стар? Зачем она меня не понимает? Ее риторика, ленивая мораль, вздорные, ленивые мысли о погибели

мира — все это мне глубоко ненавистно.

Пауза.

О, как я обманут! Я обожал этого профессора, этого жалкого подагрика, я работал на него как вол! Я и Соня выжимали из этого имения последние соки; мы, точно кулаки, торговали постным маслом, горохом, творогом, сами недоедали куска, чтобы из грошей и копеек собирать тысячи и посылать ему. Я гордился им и его наукой, я жил, я дышал им! Все, что он писал и изрекал, казалось мне гениальным… Боже, а теперь? Вот он в отставке, и теперь виден весь итог его жизни: после него не останется ни одной страницы труда, он совершенно неизвестен, он ничто! Мыльный пузырь! И я обманут… вижу — глупо обманут…

Входит ***Астров*** *в сюртуке, без жилета и без галстука; он навеселе; за ним* ***Телегин*** *с гитарой.*

Астров. Играй!
Телегин. Все спят-с!
Астров. Играй!

Телегин тихо наигрывает.

(Войницкому.) Ты один здесь? Дам нет? *(Подбоченясь, тихо поет.)* «Ходи, хата, ходи, печь,

хозяину негде лечь...» А меня гроза разбудила. Важный дождик. Который теперь час?

Войницкий. А черт его знает.

Астров. Мне как будто бы послышался голос Елены Андреевны.

Войницкий. Сейчас она была здесь.

Астров. Роскошная женщина. *(Осматривает склянки на столе.)* Лекарства. Каких только тут нет рецептов! И харьковские, и московские, и тульские... Всем городам надоел своею подагрой. Он болен или притворяется?

Войницкий. Болен.

Пауза.

Астров. Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?

Войницкий. Оставь меня.

Астров. А то, может быть, в профессоршу влюблен?

Войницкий. Она мой друг.

Астров. Уже?

Войницкий. Что значит это «уже»?

Астров. Женщина может быть другом мужчины лишь в такой последовательности: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг.

Войницкий. Пошляческая философия.

Астров. Как? Да… Надо сознаться — становлюсь пошляком. Видишь, я и пьян. Обыкновенно я напиваюсь так один раз в месяц. Когда бываю в таком состоянии, то становлюсь нахальным и наглым до крайности. Мне тогда всё нипочем! Я берусь за самые трудные операции и делаю их прекрасно; я рисую самые широкие планы будущего; в это время я уже не кажусь себе чудаком и верю, что приношу человечеству громадную пользу… громадную! И в это время у меня своя собственная философская система, и все вы, братцы, представляетесь мне такими букашками… микробами. *(Телегину.)* Вафля, играй!

Телегин. Дружочек, я рад бы для тебя всею душой, но пойми же, — в доме спят!

Астров. Играй!

Телегин тихо наигрывает.

Выпить бы надо. Пойдем, там, кажется, у нас еще коньяк остался. А как рассветет, ко мне поедем. Идёть? У меня есть фельдшер, который никогда не скажет «идет», а «идёть». Мошенник страшный. Так идёть? *(Увидев входящую Соню.)* Извините, я без галстука. *(Быстро уходит.)*

Телегин идет за ним.

Соня. А ты, дядя Ваня, опять напился с доктором. Подружились ясные соколы. Ну, тот уж всегда такой, а ты-то с чего? В твои годы это совсем не к лицу.

Войницкий. Годы тут ни при чем. Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего.

Соня. Сено у нас все скошено, идут каждый день дожди, все гниет, а ты занимаешься миражами. Ты совсем забросил хозяйство… Я работаю одна, совсем из сил выбилась… *(Испуганно.)* Дядя, у тебя на глазах слезы!

Войницкий. Какие слезы? Ничего нет… вздор… Ты сейчас взглянула на меня, как покойная твоя мать. Милая моя… *(Жадно целует ее руки и лицо.)* Сестра моя… милая сестра моя… где она теперь? Если бы она знала! Ах, если бы она знала!

Соня. Что? Дядя, что знала?

Войницкий. Тяжело, нехорошо… Ничего… После… Ничего… Я уйду… *(Уходит.)*

Соня *(стучит в дверь).* Михаил Львович! Вы не спите? На минутку!

Астров *(за дверью).* Сейчас! *(Немного погодя входит; он уже в жилетке и галстуке.)* Что прикажете?

Соня. Сами вы пейте, если это вам не противно,

но, умоляю, не давайте пить дяде. Ему вредно.

Астров. Хорошо. Мы не будем больше пить.

Пауза.

Я сейчас уеду к себе. Решено и подписано. Пока запрягут, будет уже рассвет.

Соня. Дождь идет. Погодите до утра.

Астров. Гроза идет мимо, только краем захватит. Поеду. И, пожалуйста, больше не приглашайте меня к вашему отцу. Я ему говорю — подагра, а он — ревматизм; я прошу лежать, он сидит. А сегодня так и вовсе не стал говорить со мною.

Соня. Избалован. *(Ищет в буфете.)* Хотите закусить?

Астров. Пожалуй, дайте.

Соня. Я люблю по ночам закусывать. В буфете, кажется, что-то есть. Он в жизни, говорят, имел большой успех у женщин, и его дамы избаловали. Вот берите сыр.

Оба стоят у буфета и едят.

Астров. Я сегодня ничего не ел, только пил. У вашего отца тяжелый характер. *(Достает из буфета бутылку.)* Можно? *(Выпивает рюмку.)* Здесь никого нет, и можно говорить прямо. Знаете, мне кажется, что в вашем доме я не выжил бы одного

месяца, задохнулся бы в этом воздухе… Ваш отец, который весь ушел в свою подагру и в книги, дядя Ваня со своею хандрой, ваша бабушка, наконец, ваша мачеха…

Соня. Что мачеха?

Астров. В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Она прекрасна, спора нет, но… ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своею красотой — и больше ничего. У нее нет никаких обязанностей, на нее работают другие… Ведь так? А праздная жизнь не может быть чистою.

Пауза.

Впрочем, быть может, я отношусь слишком строго. Я не удовлетворен жизнью, как ваш дядя Ваня, и оба мы становимся брюзгами.

Соня. А вы недовольны жизнью?

Астров. Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю ее всеми силами моей души. А что касается моей собственной, личной жизни, то, ей-богу, в ней нет решительно ничего хорошего. Знаете, когда идешь темною ночью по лесу и если в это время вдали светит огонек, то не замечаешь ни утомления, ни потемок, ни колючих веток,

которые бьют тебя по лицу… Я работаю, — вам это известно, — как никто в уезде, судьба бьет меня, не переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нет огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей… Давно уже никого не люблю.

Соня. Никого?

Астров. Никого. Некоторую нежность я чувствую только к вашей няньке — по старой памяти. Мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут, а с интеллигенцией трудно ладить. Она утомляет. Все они, наши добрые знакомые, мелко мыслят, мелко чувствуют и не видят дальше своего носа — просто-напросто глупы. А те, которые поумнее и покрупнее, истеричны, заедены анализом, рефлексом… Эти ноют, ненавистничают, болезненно клевещут, подходят к человеку боком, смотрят на него искоса и решают: «О, это психопат!» или: «Это фразер!» А когда не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то говорят: «Это странный человек, странный!» Я люблю лес — это странно; я не ем мяса — это тоже странно. Непосредственного, чистого, свободного отношения к природе и к людям уже нет… Нет и нет! *(Хочет выпить.)*

Соня *(мешает ему).* Нет, прошу вас, умоляю, не

пейте больше.

Астров. Отчего?

Соня. Это так не идет к вам! Вы изящны, у вас такой нежный голос… Даже больше, вы, как никто из всех, кого я знаю, — вы прекрасны. Зачем же вы хотите походить на обыкновенных людей, которые пьют и играют в карты? О, не делайте этого, умоляю вас! Вы говорите всегда, что люди не творят, а только разрушают, то, что им дано свыше. Зачем же, зачем вы разрушаете самого себя? Не надо, не надо, умоляю, заклинаю вас.

Астров *(протягивает ей руку).* Не буду больше пить.

Соня. Дайте мне слово.

Астров. Честное слово.

Соня *(крепко пожимает руку).* Благодарю!

Астров. Баста! Я отрезвел. Видите, я уже совсем трезв и таким останусь до конца дней моих. *(Смотрит на часы.)* Итак, будем продолжать. Я говорю: мое время уже ушло, поздно мне… Постарел, заработался, испошлился, притупились все чувства, и, кажется, я уже не мог бы привязаться к человеку. Я никого не люблю и… уже не полюблю. Что меня еще захватывает, так это красота. Неравнодушен я к ней. Мне кажется, что если бы вот Елена Андреевна захотела, то могла бы

вскружить мне голову в один день… Но ведь это не любовь, не привязанность… *(Закрывает рукой глаза и вздрагивает.)*

Соня. Что с вами?

Астров. Так… В Великом посту у меня больной умер под хлороформом.

Соня. Об этом пора забыть.

Пауза.

Скажите мне, Михаил Львович… Если бы у меня была подруга или младшая сестра и если бы вы узнали, что она… ну, положим, любит вас, то как бы вы отнеслись к этому?

Астров *(пожав плечами).* Не знаю. Должно быть, никак. Я дал бы ей понять, что полюбить ее не могу… да и не тем моя голова занята. Как-никак, а если ехать, то уже пора. Прощайте, голубушка, а то мы так до утра не кончим. *(Пожимает руку.)* Я пройду через гостиную, если позволите, а то боюсь, как бы ваш дядя меня не задержал. *(Уходит.)*

Соня *(одна).* Он ничего не сказал мне… Душа и сердце его все еще скрыты от меня, но отчего же я чувствую себя такою счастливою? *(Смеется от счастья.)* Я ему сказала: вы изящны, благородны, у вас такой нежный голос… Разве это вышло

некстати? Голос его дрожит, ласкает… вот я чувствую его в воздухе. А когда я сказала ему про младшую сестру, он не понял… *(Ломая руки.)* О, как это ужасно, что я некрасива! Как ужасно! А я знаю, что я некрасива, знаю, знаю… В прошлое воскресенье, когда выходили из церкви, я слышала, как говорили про меня, и одна женщина сказала: «Она добрая, великодушная, но жаль, что она так некрасива…» Некрасива…

Входит ***Елена Андреевна****.*

Елена Андреевна *(открывает окна).* Прошла гроза. Какой хороший воздух!

Пауза.

Где доктор?
Соня. Ушел.

Пауза.

Елена Андреевна. Софи!
Соня. Что?
Елена Андреевна. До каких пор вы будете дуться на меня? Друг другу мы не сделали никакого зла. Зачем же нам быть врагами? Полноте…
Соня. Я сама хотела… *(Обнимает ее.)* Довольно сердиться.

Елена Андреевна. И отлично.

Обе взволнованы.

Соня. Папа лег?

Елена Андреевна. Нет, сидит в гостиной… Не говорим мы друг с другом по целым неделям и бог знает из-за чего… *(Увидев, что буфет открыт.)* Что это?

Соня. Михаил Львович ужинал.

Елена Андреевна. И вино есть… Давайте выпьем брудершафт.

Соня. Давайте.

Елена Андреевна. Из одной рюмочки… *(Наливает.)* Этак лучше. Ну, значит — ты?

Соня. Ты.

Пьют и целуются.

Я давно уже хотела мириться, да все как-то совестно было… *(Плачет.)*

Елена Андреевна. Что же ты плачешь?

Соня. Ничего, это я так.

Елена Андреевна. Ну, будет, будет… *(Плачет.)* Чудачка, и я заплакала…

Пауза.

Ты на меня сердита за то, что я будто вышла за

твоего отца по расчету… Если веришь клятвам, то клянусь тебе, — я выходила за него по любви. Я увлеклась им как ученым и известным человеком. Любовь была не настоящая, искусственная, но ведь мне казалось тогда, что она настоящая. Я не виновата. А ты с самой нашей свадьбы не переставала казнить меня своими умными подозрительными глазами.

Соня. Ну, мир, мир! Забудем.

Елена Андреевна. Не надо смотреть так — тебе это не идет. Надо всем верить, иначе жить нельзя.

Пауза.

Соня. Скажи мне по совести, как друг… Ты счастлива?

Елена Андреевна. Нет.

Соня. Я это знала. Еще один вопрос. Скажи откровенно, — ты хотела бы, чтобы у тебя был молодой муж?

Елена Андреевна. Какая ты еще девочка. Конечно, хотела бы! *(Смеется.)* Ну, спроси еще что-нибудь, спроси…

Соня. Тебе доктор нравится?

Елена Андреевна. Да, очень.

Соня *(смеется).* У меня глупое лицо… да? Вот он

ушел, а я все слышу его голос и шаги, а посмотрю на темное окно, — там мне представляется его лицо. Дай мне высказаться… Но я не могу говорить так громко, мне стыдно. Пойдем ко мне в комнату, там поговорим. Я тебе кажусь глупою? Сознайся… Скажи мне про него что-нибудь…

Елена Андреевна. Что же?

Соня. Он умный… Он все умеет, все может… Он и лечит, и сажает лес…

Елена Андреевна. Не в лесе и не в медицине дело… Милая моя, пойми, это талант! А ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах… Посадит деревцо и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества. Такие люди редки, их нужно любить… Он пьет, бывает грубоват, — но что за беда? Талантливый человек в России не может быть чистеньким. Сама подумай, что за жизнь у этого доктора! Непролазная грязь на дорогах, морозы, метели, расстояния громадные, народ грубый, дикий, кругом нужда, болезни, а при такой обстановке тому, кто работает и борется изо дня в день, трудно сохранить себя к сорока годам чистеньким и трезвым… *(Целует ее.)* Я от души тебе желаю, ты стоишь счастья… *(Встает.)* А я нудная, эпизодическое лицо… И в

музыке, и в доме мужа, во всех романах — везде, одним словом, я была только эпизодическим лицом. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то я очень, очень несчастна! *(Ходит в волнении по сцене.)* Нет мне счастья на этом свете. Нет! Что ты смеешься?

Соня *(смеется, закрыв лицо).* Я так счастлива… счастлива!

Елена Андреевна. Мне хочется играть… Я сыграла бы теперь что-нибудь.

Соня. Сыграй. *(Обнимает ее.)* Я не могу спать… Сыграй!

Елена Андреевна. Сейчас. Твой отец не спит. Когда он болен, его раздражает музыка. Поди спроси. Если он ничего, то сыграю. Поди.

Соня. Сейчас. *(Уходит.)*

В саду стучит сторож.

Елена Андреевна. Давно уже я не играла. Буду играть и плакать, плакать, как дура. *(В окно.)* Это ты стучишь, Ефим?

Голос сторожа: «Я!»

Елена Андреевна. Не стучи, барин нездоров.

Голос сторожа: «Сейчас уйду!» *(Подсвистывает.)* «Эй, вы, Жучка, Мальчик! Жучка!»

Пауза.

Соня *(вернувшись).* Нельзя!

Занавес

Действие третье

Гостиная в доме Серебрякова. Три двери: направо, налево и посредине. — День.

***Войницкий, Соня** (сидят) и **Елена Андреевна** (ходит по сцене, о чем-то думая).*

Войницкий. Герр профессор изволил выразить желание, чтобы сегодня все мы собрались вот в этой гостиной к часу дня. *(Смотрит на часы.)* Без четверти час. Хочет о чем-то поведать миру.

Елена Андреевна. Вероятно, какое-нибудь дело.

Войницкий. Никаких у него нет дел. Пишет чепуху, брюзжит и ревнует, больше ничего.

Соня *(тоном упрека).* Дядя!

Войницкий. Ну, ну, виноват. *(Указывает на Елену Андреевну.)* Полюбуйтесь: ходит и от лени шатается. Очень мило! Очень!

Елена Андреевна. Вы целый день жужжите, всё жужжите — как не надоест! *(С тоской.)* Я умираю от скуки, не знаю, что мне делать.

Соня *(пожимая плечами).* Мало ли дела? Только бы захотела.

Елена Андреевна. Например?

Соня. Хозяйством занимайся, учи, лечи. Мало ли? Вот когда тебя и папы здесь не было, мы с дядей Ваней сами ездили на базар мукой торговать.

Елена Андреевна. Не умею. Да и неинтересно. Это только в идейных романах учат и лечат мужиков, а как я, ни с того ни с сего, возьму вдруг и пойду их лечить или учить?

Соня. А вот я так не понимаю, как это не идти и не учить. Погоди, и ты привыкнешь. *(Обнимает ее.)* Не скучай, родная. *(Смеясь.)* Ты скучаешь, не находишь себе места, а скука и праздность заразительны. Смотри: дядя Ваня ничего не делает и только ходит за тобою, как тень, я оставила свои дела и прибежала к тебе, чтобы поговорить. Обленилась, не могу! Доктор Михаил Львович прежде бывал у нас очень редко, раз в месяц, упросить его было трудно, а теперь он ездит сюда каждый день, бросил и свои леса, и медицину. Ты колдунья, должно быть.

Войницкий. Что томитесь? *(Живо.)* Ну, дорогая моя, роскошь, будьте умницей! В ваших жилах течет русалочья кровь, будьте же русалкой! Дайте себе волю хоть раз в жизни, влюбитесь поскорее в какого-нибудь водяного по самые уши — и бултых с головой в омут, чтобы герр профессор и все

мы только руками развели!

Елена Андреевна *(с гневом).* Оставьте меня в покое! Как это жестоко! *(Хочет уйти.)*

Войницкий *(не пускает ее.)* Ну, ну, моя радость, простите… Извиняюсь. *(Целует руку.)* Мир.

Елена Андреевна. У ангела не хватило бы терпения, согласитесь.

Войницкий. В знак мира и согласия я принесу сейчас букет роз; еще утром для вас приготовил… Осенние розы — прелестные, грустные розы… *(Уходит.)*

Соня. Осенние розы — прелестные, грустные розы…

Обе смотрят в окно.

Елена Андреевна. Вот уже и сентябрь. Как-то мы проживем здесь зиму!

Пауза.

Где доктор?

Соня. В комнате у дяди Вани. Что-то пишет. Я рада, что дядя Ваня ушел, мне нужно поговорить с тобою.

Елена Андреевна. О чем?

Соня. О чем? *(Кладет ей голову на грудь.)*

Елена Андреевна. Ну, полно, полно… *(Пригла-*

живает ей волосы.) Полно.

Соня. Я некрасива.

Елена Андреевна. У тебя прекрасные волосы.

Соня. Нет! *(Оглядывается, чтобы взглянуть на себя в зеркало.)* Нет! Когда женщина некрасива, то ей говорят: «У вас прекрасные глаза, у вас прекрасные волосы…» Я его люблю уже шесть лет, люблю больше, чем свою мать; я каждую минуту слышу его, чувствую пожатие его руки; и я смотрю на дверь, жду, мне все кажется, что он сейчас войдет. И вот, ты видишь, я все прихожу к тебе, чтобы поговорить о нем. Теперь он бывает здесь каждый день, но не смотрит на меня, не видит… Это такое страдание! У меня нет никакой надежды, нет, нет! *(В отчаянии.)* О боже, пошли мне силы… Я всю ночь молилась… Я часто подхожу к нему, сама заговариваю с ним, смотрю ему в глаза… У меня уже нет гордости, нет сил владеть собою… Не удержалась и вчера призналась дяде Ване, что люблю… И вся прислуга знает, что я его люблю. Все знают.

Елена Андреевна. А он?

Соня. Нет. Он меня не замечает.

Елена Андреевна *(в раздумье).* Странный он человек… Знаешь что? Позволь, я поговорю с ним… Я осторожно, намеками…

Пауза.

Право, до каких же пор быть в неизвестности… Позволь!

Соня утвердительно кивает головой.

И прекрасно. Любит или не любит — это нетрудно узнать. Ты не смущайся, голубка, не беспокойся, — я допрошу его осторожно, он и не заметит. Нам только узнать: да или нет?

Пауза.

Если нет, то пусть не бывает здесь. Так?

Соня утвердительно кивает головой.

Легче, когда не видишь. Откладывать в долгий ящик не будем, допросим его теперь же. Он собирался показать мне какие-то чертежи… Поди скажи, что я желаю его видеть.

Соня *(в сильном волнении).* Ты мне скажешь всю правду?

Елена Андреевна. Да, конечно. Мне кажется, что правда, какая бы она ни была, все-таки не так страшна, как неизвестность. Положись на меня, голубка.

Соня. Да, да… Я скажу, что ты хочешь видеть его чертежи… *(Идет и останавливается возле двери.)*

Нет, неизвестность лучше… Все-таки надежда…

Елена Андреевна. Что ты?

Соня. Ничего. *(Уходит.)*

Елена Андреевна *(одна).* Нет ничего хуже, когда знаешь чужую тайну и не можешь помочь. *(Раздумывая.)* Он не влюблен в нее — это ясно, но отчего бы ему не жениться на ней? Она некрасива, но для деревенского доктора, в его годы, это была бы прекрасная жена. Умница, такая добрая, чистая… Нет, это не то, не то…

Пауза.

Я понимаю эту бедную девочку. Среди отчаянной скуки, когда вместо людей кругом бродят какие-то серые пятна, слышатся одни пошлости, когда только и знают, что едят, пьют, спят, иногда приезжает он, непохожий на других, красивый, интересный, увлекательный, точно среди потемок восходит месяц ясный… Поддаться обаянию такого человека, забыться… Кажется, я сама увлеклась немножко. Да, мне без него скучно, я вот улыбаюсь, когда думаю о нем… Этот дядя Ваня говорит, будто в моих жилах течет русалочья кровь. «Дайте себе волю хоть раз в жизни…» Что ж? Может быть, так и нужно… Улететь бы вольною птицей от всех вас, от ваших сонных

физиономий, от разговоров, забыть, что все вы существуете на свете… Но я труслива, застенчива… Меня замучит совесть… Вот он бывает здесь каждый день, я угадываю, зачем он здесь, и уже чувствую себя виноватою, готова пасть перед Соней на колени, извиняться, плакать…

Астров *(входит с картограммой).* Добрый день! *(Пожимает руку.)* Вы хотели видеть мою живопись?

Елена Андреевна. Вчера вы обещали показать мне свои работы… Вы свободны?

Астров. О, конечно. *(Растягивает на ломберном столе картограмму и укрепляет ее кнопками.)* Вы где родились?

Елена Андреевна *(помогая ему).* В Петербурге.

Астров. А получили образование?

Елена Андреевна. В консерватории.

Астров. Для вас, пожалуй, это неинтересно.

Елена Андреевна. Почему? Я, правда, деревни не знаю, но я много читала.

Астров. Здесь в доме есть мой собственный стол… В комнате у Ивана Петровича. Когда я утомлюсь совершенно, до полного отупения, то все бросаю и бегу сюда, и вот забавляюсь этой штукой час-другой… Иван Петрович и Софья Александровна щелкают на счетах, а я сижу подле них

за своим столом и мажу, и мне тепло, покойно, и сверчок кричит. Но это удовольствие я позволяю себе не часто, раз в месяц… *(Показывая на картограмме.)* Теперь смотрите сюда. Картина нашего уезда, каким он был пятьдесят лет назад. Тёмно- и светло-зеленая краска означает леса; половина всей площади занята лесом. Где по зелени положена красная сетка, там водились лоси, козы… Я показываю тут и флору и фауну. На этом озере жили лебеди, гуси, утки и, как говорят старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо: носилась она тучей. Кроме сел и деревень, видите, там и сям разбросаны разные выселки, хуторочки, раскольничьи скиты, водяные мельницы… Рогатого скота и лошадей было много. По голубой краске видно. Например, в этой волости голубая краска легла густо; тут были целые табуны, и на каждый двор приходилось по три лошади.

Пауза.

Теперь посмотрим ниже. То, что было двадцать пять лет назад. Тут уж под лесом только одна треть всей площади. Коз уже нет, но лоси есть. Зеленая и голубая краски уже бледнее. И так далее и так далее. Переходим к третьей части: картина уезда в настоящем. Зеленая краска ле-

жит кое-где, но не сплошь, а пятнами; исчезли и лоси, и лебеди, и глухари… От прежних выселков, хуторков, скитов, мельниц и следа нет. В общем, картина постепенного и несомненного вырождения, которому, по-видимому, остается еще каких-нибудь десять — пятнадцать лет, чтобы стать полным. Вы скажете, что тут культурные влияния, что старая жизнь, естественно, должна была уступить место новой. Да, я понимаю, если бы на месте этих истребленных лесов пролегли шоссе, железные дороги, если бы тут были заводы, фабрики, школы — народ стал бы здоровее, богаче, умнее, но ведь тут ничего подобного! В уезде те же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тиф, дифтерит, пожары… Тут мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование; это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за все, чем только можно утолить голод, согреться, разрушает все, не думая о завтрашнем дне… Разрушено уже почти все, но взамен не создано еще ничего. *(Холодно.)* Я по лицу вижу, что это вам неинтересно.

Елена Андреевна. Но я в этом так мало понимаю…

Астров. И понимать тут нечего, просто неинтересно.

Елена Андреевна. Откровенно говоря, мысли мои не тем заняты. Простите. Мне нужно сделать вам маленький допрос, и я смущена, не знаю, как начать.

Астров. Допрос?

Елена Андреевна. Да, допрос, но… довольно невинный. Сядем!

Садятся.

Дело касается одной молодой особы. Мы будем говорить, как честные люди, как приятели, без обиняков. Поговорим и забудем, о чем была речь. Да?

Астров. Да.

Елена Андреевна. Дело касается моей падчерицы Сони. Она вам нравится?

Астров. Да, я ее уважаю.

Елена Андреевна. Она вам нравится как женщина?

Астров *(не сразу).* Нет.

Елена Андреевна. Еще два-три слова — и конец. Вы ничего не замечали?

Астров. Ничего.

Елена Андреевна *(берет его за руку).* Вы не любите ее, по глазам вижу… Она страдает… Поймите это и… перестаньте бывать здесь.

Астров *(встает).* Время мое уже ушло… Да и некогда… *(Пожав плечами.)* Когда мне? *(Он смущен.)*

Елена Андреевна. Фу, какой неприятный разговор! Я так волнуюсь, точно протащила на себе тысячу пудов. Ну, слава богу, кончили. Забудем, будто не говорили вовсе, и… и уезжайте. Вы умный человек, поймете…

Пауза.

Я даже красная вся стала.

Астров. Если бы вы сказали месяц-два назад, то я, пожалуй, еще подумал бы, но теперь… *(Пожимает плечами.)* А если она страдает, то, конечно… Только одного не понимаю: зачем вам понадобился этот допрос? *(Глядит ей в глаза и грозит пальцем.)* Вы — хитрая!

Елена Андреевна. Что это значит?

Астров *(смеясь).* Хитрая! Положим, Соня страдает, я охотно допускаю, но к чему этот ваш допрос? *(Мешая ей говорить, живо.)* Позвольте, не делайте удивленного лица, вы отлично знаете, зачем я

бываю здесь каждый день… Зачем и ради кого бываю, это вы отлично знаете. Хищница милая, не смотрите на меня так, я старый воробей…

Елена Андреевна *(в недоумении).* Хищница? Ничего не понимаю.

Астров. Красивый, пушистый хорек… Вам нужны жертвы! Вот я уже целый месяц ничего не делаю, бросил все, жадно ищу вас — и это вам ужасно нравится, ужасно… Ну, что ж? Я побежден, вы это знали и без допроса. *(Скрестив руки и нагнув голову.)* Покоряюсь. Нате, ешьте!

Елена Андреевна. Вы с ума сошли!

Астров *(смеется сквозь зубы).* Вы застенчивы…

Елена Андреевна. О, я лучше и выше, чем вы думаете! Клянусь вам! *(Хочет уйти.)*

Астров *(загораживая ей дорогу).* Я сегодня уеду, бывать здесь не буду, но… *(Берет ее за руку, оглядывается.)* Где мы будем видеться? Говорите скорее: где? Сюда могут войти, говорите скорее… *(Страстно.)* Какая чудная, роскошная… Один поцелуй… Мне поцеловать только ваши ароматные волосы…

Елена Андреевна. Клянусь вам…

Астров *(мешая ей говорить).* Зачем клясться? Не надо клясться. Не надо лишних слов… О, какая красивая! Какие руки! *(Целует руки.)*

Елена Андреевна. Но довольно, наконец… уходите… *(Отнимает руки.)* Вы забылись.

Астров. Говорите же, говорите, где мы завтра увидимся? *(Берет ее за талию.)* Ты видишь, это неизбежно, нам надо видеться. *(Целует ее.)*

В это время входит ***Войницкий*** *с букетом роз и останавливается у двери.*

Елена Андреевна *(не видя Войницкого).* Пощадите… оставьте меня… *(Кладет Астрову голову на грудь.)* Нет! *(Хочет уйти.)*

Астров *(удерживая ее за талию).* Приезжай завтра в лесничество… часам к двум… Да? Да? Ты приедешь?

Елена Андреевна *(увидев Войницкого).* Пустите! *(В сильном смущении отходит к окну.)* Это ужасно.

Войницкий *(кладет букет на стул; волнуясь, вытирает платком лицо и за воротником).* Ничего… Да… Ничего…

Астров *(будируя).* Сегодня, многоуважаемый Иван Петрович, погода недурна. Утром было пасмурно, словно как бы на дождь, а теперь солнце. Говоря по совести, осень выдалась прекрасная… и озими ничего себе. *(Свертывает картограмму в трубку.)* Вот только что: дни коротки стали…

(Уходит.)

Елена Андреевна *(быстро подходит к Войницкому).* Вы постараетесь, вы употребите все ваше влияние, чтобы я и муж уехали отсюда сегодня же! Слышите? Сегодня же!

Войницкий *(вытирая лицо).* А? Ну да… хорошо… Я, Hélène, все видел, все…

Елена Андреевна *(нервно).* Слышите? Я должна уехать отсюда сегодня же!

Входят ***Серебряков, Соня, Телегин*** *и* ***Марина****.*

Телегин. Я сам, ваше превосходительство, что-то не совсем здоров. Вот уже два дня хвораю. Голова что-то того…

Серебряков. Где же остальные? Не люблю я этого дома. Какой-то лабиринт. Двадцать шесть громадных комнат, разбредутся все, и никого никогда не найдешь. *(Звонит.)* Пригласите сюда Марью Васильевну и Елену Андреевну!

Елена Андреевна. Я здесь.

Серебряков. Прошу, господа, садиться.

Соня *(подойдя к Елене Андреевне, нетерпеливо).* Что он сказал?

Елена Андреевна. После.

Соня. Ты дрожишь? Ты взволнована? *(Пытливо всматривается в ее лицо.)* Я понимаю… Он сказал,

что уже больше не будет бывать здесь… Да?

Пауза.

Скажи: да?

Елена Андреевна утвердительно кивает головой.

Серебряков *(Телегину).* С нездоровьем еще можно мириться, куда ни шло, но чего я не могу переварить, так это строя деревенской жизни. У меня такое чувство, как будто я с земли свалился на какую-то чужую планету. Садитесь, господа, прошу вас. Соня!

Соня не слышит его, она стоит, печально опустив голову.

Соня!

Пауза.

Не слышит. *(Марине.)* И ты, няня, садись.

Няня садится и вяжет чулок.

Прошу, господа. Повесьте, так сказать, ваши уши на гвоздь внимания. *(Смеется.)*

Войницкий *(волнуясь).* Я, быть может, не нужен? Могу уйти?

Серебряков. Нет, ты здесь нужнее всех.
Войницкий. Что вам от меня угодно?
Серебряков. Вам… Что же ты сердишься?

Пауза.

Если я в чем виноват перед тобою, то извини, пожалуйста.
Войницкий. Оставь этот тон. Приступим к делу… Что тебе нужно?

Входит ***Мария Васильевна****.*

Серебряков. Вот и maman. Я начинаю, господа.

Пауза.

Я пригласил вас, господа, чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор. Впрочем, шутки в сторону. Дело серьезное. Я, господа, собрал вас, чтобы попросить у вас помощи и совета, и, зная всегдашнюю вашу любезность, надеюсь, что получу их. Человек я ученый, книжный и всегда был чужд практической жизни. Обойтись без указаний сведущих людей я не могу и прошу тебя, Иван Петрович, вот вас, Илья Ильич, вас, maman… Дело в том, что manet omnes una nox,[3] то есть все мы под

---

3 Примечания: 3
Всех ожидает одна ночь *(лат.)*.

богом ходим; я стар, болен и потому нахожу своевременным регулировать свои имущественные отношения постольку, поскольку они касаются моей семьи. Жизнь моя уже кончена, о себе я не думаю, но у меня молодая жена, дочь-девушка.

Пауза.

Продолжать жить в деревне мне невозможно. Мы для деревни не созданы. Жить же в городе на те средства, какие мы получаем от этого имения, невозможно. Если продать, положим, лес, то это мера экстраординарная, которою нельзя пользоваться ежегодно. Нужно изыскать такие меры, которые гарантировали бы нам постоянную, более или менее определенную цифру дохода. Я придумал одну такую меру и имею честь предложить ее на ваше обсуждение. Минуя детали, изложу ее в общих чертах. Наше имение дает в среднем размере не более двух процентов. Я предлагаю продать его. Если вырученные деньги мы обратим в процентные бумаги, то будем получать от четырех до пяти процентов, и я думаю, что будет даже излишек в несколько тысяч, который нам позволит купить в Финляндии небольшую дачу.

Войницкий. Постой… Мне кажется, что мне

изменяет мой слух. Повтори, что ты сказал.

Серебряков. Деньги обратить в процентные бумаги и на излишек, какой останется, купить дачу в Финляндии.

Войницкий. Не Финляндия… Ты еще что-то другое сказал.

Серебряков. Я предлагаю продать имение.

Войницкий. Вот это самое. Ты продашь имение, превосходно, богатая идея… А куда прикажешь деваться мне со старухой матерью и вот с Соней?

Серебряков. Все это своевременно мы обсудим. Не сразу же.

Войницкий. Постой. Очевидно, до сих пор у меня не было ни капли здравого смысла. До сих пор я имел глупость думать, что это имение принадлежит Соне. Мой покойный отец купил это имение в приданое для моей сестры. До сих пор я был наивен, понимал законы не по-турецки и думал, что имение от сестры перешло к Соне.

Серебряков. Да, имение принадлежит Соне. Кто спорит? Без согласия Сони я не решусь продать его. К тому же я предлагаю сделать это для блага Сони.

Войницкий. Это непостижимо, непостижимо! Или я с ума сошел, или… или…

Мария Васильевна. Жан, не противоречь Алек-

сандру. Верь, он лучше нас знает, что хорошо и что дурно.

Войницкий. Нет, дайте мне воды. *(Пьет воду.)* Говорите что хотите, что хотите!

Серебряков. Я не понимаю, отчего ты волнуешься. Я не говорю, что мой проект идеален. Если все найдут его негодным, то я не буду настаивать.

Пауза.

Телегин *(в смущении).* Я, ваше превосходительство, питаю к науке не только благоговение, но и родственные чувства. Брата моего Григория Ильича жены брат, может, изволите знать, Константин Трофимович Лакедемонов, был магистром…

Войницкий. Постой, Вафля, мы о деле… Погоди, после… *(Серебрякову.)* Вот спроси ты у него. Это имение куплено у его дяди.

Серебряков. Ах, зачем мне спрашивать? К чему?

Войницкий. Это имение было куплено по тогдашнему времени за девяносто пять тысяч. Отец уплатил только семьдесят, и осталось долгу двадцать пять тысяч. Теперь слушайте… Имение это не было бы куплено, если бы я не отказался

от наследства в пользу сестры, которую горячо любил. Мало того, я десять лет работал, как вол, и выплатил весь долг…

Серебряков. Я жалею, что начал этот разговор.

Войницкий. Имение чисто от долгов и не расстроено только благодаря моим личным усилиям. И вот когда я стал стар, меня хотят выгнать отсюда в шею!

Серебряков. Я не понимаю, чего ты добиваешься!

Войницкий. Двадцать пять лет я управлял этим имением, работал, высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик, и за все время ты ни разу не поблагодарил меня. Все время — и в молодости и теперь — я получал от тебя жалованья пятьсот рублей в год, — нищенские деньги! — и ты ни разу не догадался прибавить мне хоть один рубль!

Серебряков. Иван Петрович, почем же я знал? Я человек не практический и ничего не понимаю. Ты мог бы сам прибавить себе сколько угодно.

Войницкий. Зачем я не крал? Отчего вы все не презираете меня за то, что я не крал? Это было бы справедливо, и теперь я не был бы нищим!

Мария Васильевна *(строго).* Жан!

Телегин *(волнуясь).* Ваня, дружочек, не надо, не

надо… я дрожу… Зачем портить хорошие отношения? *(Целует его.)* Не надо.

Войницкий. Двадцать пять лет я вот с этою матерью, как крот, сидел в четырех стенах… Все наши мысли и чувства принадлежали тебе одному. Днем мы говорили о тебе, о твоих работах, гордились тобою, с благоговением произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю!

Телегин. Не надо, Ваня, не надо… Не могу…

Серебряков *(гневно).* Не понимаю, что тебе нужно?

Войницкий. Ты для нас был существом высшего порядка, твои статьи мы знали наизусть… Но теперь у меня открылись глаза! Я все вижу! Пишешь ты об искусстве, но ничего не понимаешь в искусстве! Все твои работы, которые я любил, не стоят гроша медного! Ты морочил нас!

Серебряков. Господа! Да уймите же его наконец! Я уйду!

Елена Андреевна. Иван Петрович, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войницкий. Не замолчу! *(Загораживая Серебрякову дорогу.)* Постой, я не кончил! Ты погубил мою жизнь! Я не жил, не жил! По твоей милости я

истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни. Ты мой злейший враг!

Телегин. Я не могу… не могу… Я уйду… *(В сильном волнении уходит.)*

Серебряков. Что ты хочешь от меня? И какое ты имеешь право говорить со мною таким тоном? Ничтожество! Если имение твое, то бери его, я не нуждаюсь в нем!

Елена Андреевна. Я сию же минуту уезжаю из этого ада! *(Кричит.)* Я не могу дольше выносить!

Войницкий. Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смел… Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский… Я зарапортовался! Я с ума схожу… Матушка, я в отчаянии! Матушка!

Мария Васильевна *(строго).* Слушайся Александра!

Соня *(становится перед няней на колени и прижимается к ней).* Нянечка! Нянечка!

Войницкий. Матушка! Что мне делать? Не нужно, не говорите! Я сам знаю, что мне делать! *(Серебрякову.)* Будешь ты меня помнить! *(Уходит в среднюю дверь.)*

Мария Васильевна идет за ним.

Серебряков. Господа, что же это такое наконец?

Уберите от меня этого сумасшедшего! Не могу я жить с ним под одною крышей! Живет тут *(указывает на среднюю дверь),* почти рядом со мною… Пусть перебирается в деревню, во флигель, или я переберусь отсюда, но оставаться с ним в одном доме я не могу…

Елена Андреевна *(мужу).* Мы сегодня уедем отсюда! Необходимо распорядиться сию же минуту.

Серебряков. Ничтожнейший человек!

Соня *(стоя на коленях, оборачивается к отцу; нервно, сквозь слезы).* Надо быть милосердным, папа! Я и дядя Ваня так несчастны! *(Сдерживая отчаяние.)* Надо быть милосердным! Вспомни, когда ты был помоложе, дядя Ваня и бабушка по ночам переводили для тебя книги, переписывали твои бумаги… все ночи, все ночи! Я и дядя Ваня работали без отдыха, боялись потратить на себя копейку и всё посылали тебе… Мы не ели даром хлеба! Я говорю не то, не то я говорю, но ты должен понять нас, папа. Надо быть милосердным!

Елена Андреевна *(взволнованная, мужу).* Александр, ради бога, объяснись с ним… Умоляю.

Серебряков. Хорошо, я объяснюсь с ним… Я ни в чем его не обвиняю, я не сержусь, но, согласитесь, поведение его по меньшей мере странно.

Извольте, я пойду к нему. *(Уходит в среднюю дверь.)*

Елена Андреевна. Будь с ним помягче, успокой его… *(Уходит за ним.)*

Соня *(прижимаясь к няне).* Нянечка! Нянечка!

Марина. Ничего, деточка. Погогочут гусаки — и перестанут… Погогочут — и перестанут…

Соня. Нянечка!

Марина *(гладит ее по голове).* Дрожишь, словно в мороз! Ну, ну, сиротка, бог милостив. Липового чайку или малинки, оно и пройдет… Не горюй, сиротка… *(Глядя на среднюю дверь, с сердцем.)* Ишь, расходились, гусаки, чтоб вам пусто!

За сценой выстрел; слышно, как вскрикивает Елена Андреевна; Соня вздрагивает.

У, чтоб тебя!

Серебряков *(вбегает, пошатываясь от испуга).* Удержите его! Удержите! Он сошел с ума!

Елена Андреевна и Войницкий борются в дверях.

Елена Андреевна *(стараясь отнять у него револьвер).* Отдайте! Отдайте, вам говорят!

Войницкий. Пустите, Hélène! Пустите меня! *(Освободившись, вбегает и ищет глазами Сереб-*

рякова.) Где он? А, вот он! *(Стреляет в него.)* Бац!

Пауза.

Не попал? Опять промах?! *(С гневом.)* А, черт, черт… черт бы побрал… *(Бьет револьвером об пол и в изнеможении садится на стул.)*

Серебряков ошеломлен; Елена Андреевна прислонилась к стене, ей дурно.

Елена Андреевна. Увезите меня отсюда! Увезите, убейте, но… я не могу здесь оставаться, не могу!

Войницкий *(в отчаянии).* О, что я делаю! Что я делаю!

Соня *(тихо).* Нянечка! Нянечка!

Занавес

Действие четвертое

Комната Ивана Петровича; тут его спальня, тут же и контора имения. У окна большой стол с приходо-расходными книгами и бумагами всякого рода, конторка, шкапы, весы. Стол поменьше для Астрова; на этом столе принадлежности для рисования, краски; возле — папка. Клетка со скворцом. На стене карта Африки, видимо, никому здесь не нужная. Громадный диван, обитый клеенкой. Налево — дверь, ведущая в покои; направо — дверь в сени; подле правой двери положен половик, чтобы не нагрязнили мужики. — Осенний вечер. Тишина.

Телегин *и* ***Марина*** *(сидят друг против друга и мотают чулочную шерсть).*

Телегин. Вы скорее, Марина Тимофеевна, а то сейчас позовут прощаться. Уже приказали лошадей подавать.

Марина *(старается мотать быстрее).* Немного осталось.

Телегин. В Харьков уезжают. Там жить будут.

Марина. И лучше.

Телегин. Напужались… Елена Андреевна «од-

ного часа, говорит, не желаю жить здесь… уедем да уедем… Поживем, говорит, в Харькове, оглядимся и тогда за вещами пришлем…». Налегке уезжают. Значит, Марина Тимофеевна, не судьба им жить тут. Не судьба… Фатальное предопределение.

Марина. И лучше. Давеча подняли шум, пальбу — срам один!

Телегин. Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского.

Марина. Глаза бы мои не глядели.

Пауза.

Опять заживем, как было, по-старому. Утром в восьмом часу чай, в первом часу обед, вечером — ужинать садиться; всё своим порядком, как у людей… по-христиански. *(Со вздохом.)* Давно уже я, грешница, лапши не ела.

Телегин. Да, давненько у нас лапши не готовили.

Пауза.

Давненько… Сегодня утром, Марина Тимофеевна, иду я деревней, а лавочник мне вслед: «Эй ты, приживал!» И так мне горько стало!

Марина. А ты без внимания, батюшка. Все мы у

бога приживалы. Как ты, как Соня, как Иван Петрович, — никто без дела не сидит, все трудимся! Все… Где Соня?

Телегин. В саду. С доктором все ходит, Ивана Петровича ищет. Боятся, как бы он на себя рук не наложил.

Марина. А где его пистолет?

Телегин *(шепотом).* Я в погребе спрятал!

Марина *(с усмешкой).* Грехи!

Входят со двора ***Войницкий*** *и* ***Астров****.*

Войницкий. Оставь меня. *(Марине и Телегину.)* Уйдите отсюда, оставьте меня одного хоть на один час! Я не терплю опеки.

Телегин. Сию минуту, Ваня. *(Уходит на цыпочках.)*

Марина. Гусак: го-го-го! *(Собирает шерсть и уходит.)*

Войницкий. Оставь меня!

Астров. С большим удовольствием, мне давно уже нужно уехать отсюда, но, повторяю, я не уеду, пока ты не возвратишь того, что взял у меня.

Войницкий. Я у тебя ничего не брал.

Астров. Серьезно говорю — не задерживай. Мне давно уже пора ехать.

Войницкий. Ничего я у тебя не брал.

Оба садятся.

Астров. Да? Что ж, погожу еще немного, а потом, извини, придется употребить насилие. Свяжем тебя и обыщем. Говорю это совершенно серьезно.

Войницкий. Как угодно.

Пауза.

Разыграть такого дурака: стрелять два раза и ни разу не попасть! Этого я себе никогда не прощу!

Астров. Пришла охота стрелять, ну и палил бы в лоб себе самому.

Войницкий *(пожав плечами).* Странно. Я покушался на убийство, а меня не арестовывают, не отдают под суд. Значит, считают меня сумасшедшим. *(Злой смех.)* Я — сумасшедший, а не сумасшедшие те, которые под личиной профессора, ученого мага, прячут свою бездарность, тупость, свое вопиющее бессердечие. Не сумасшедшие те, которые выходят за стариков и потом у всех на глазах обманывают их. Я видел, видел, как ты обнимал ее!

Астров. Да-с, обнимал-с, а тебе вот. *(Делает нос.)*

Войницкий *(глядя на дверь).* Нет, сумасшедшая земля, которая еще держит вас!

Астров. Ну, и глупо.

Войницкий. Что ж, я — сумасшедший, невменяем, я имею право говорить глупости.

Астров. Стара штука. Ты не сумасшедший, а просто чудак. Шут гороховый. Прежде и я всякого чудака считал больным, ненормальным, а теперь я такого мнения, что нормальное состояние человека — это быть чудаком. Ты вполне нормален.

Войницкий *(закрывает лицо руками).* Стыдно! Если бы ты знал, как мне стыдно! Это острое чувство стыда не может сравниться ни с какою болью. *(С тоской.)* Невыносимо! *(Склоняется к столу.)* Что мне делать? Что мне делать?

Астров. Ничего.

Войницкий. Дай мне чего-нибудь! О, боже мой… Мне сорок семь лет; если, положим, я проживу до шестидесяти, то мне остается еще тринадцать. Долго! Как я проживу эти тринадцать лет? Что буду делать, чем наполню их? О, понимаешь… *(судорожно жмет Астрову руку)* понимаешь, если бы можно было прожить остаток жизни как-нибудь по-новому. Проснуться бы в ясное, тихое утро и почувствовать, что жить ты начал снова, что все прошлое забыто, рассеялось, как дым. *(Плачет.)* Начать новую жизнь… Подскажи мне, как начать… с чего начать…

Астров *(с досадой).* Э, ну тебя! Какая еще там новая жизнь! Наше положение, твое и мое, безнадежно.

Войницкий. Да?

Астров. Я убежден в этом.

Войницкий. Дай мне чего-нибудь… *(Показывая на сердце.)* Жжет здесь.

Астров *(кричит сердито).* Перестань! *(Смягчившись.)* Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно, — те, быть может, найдут средство, как быть счастливыми, а мы… У нас с тобою только одна надежда и есть. Надежда, что когда мы будем почивать в своих гробах, то нас посетят видения, быть может, даже приятные. *(Вздохнув.)* Да, брат. Во всем уезде было только два порядочных, интеллигентных человека: я да ты. Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими гнилыми испарениями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как все. *(Живо.)* Но ты мне зубов не заговаривай, однако. Ты отдай то, что взял у меня.

Войницкий. Я у тебя ничего не брал.

Астров. Ты взял у меня из дорожной аптеки

баночку с морфием.

Пауза.

Послушай, если тебе во что бы то ни стало хочется покончить с собою, то ступай в лес и застрелись там. Морфий же отдай, а то пойдут разговоры, догадки, подумают, что это я тебе дал… С меня же довольно и того, что мне придется вскрывать тебя… Ты думаешь, это интересно?

Входит ***Соня****.*

Войницкий. Оставь меня!

Астров *(Соне).* Софья Александровна, ваш дядя утащил из моей аптеки баночку с морфием и не отдает. Скажите ему, что это… не умно, наконец. Да и некогда мне. Мне пора ехать.

Соня. Дядя Ваня, ты взял морфий?

Пауза.

Астров. Он взял. Я в этом уверен.

Соня. Отдай! Зачем ты нас пугаешь? *(Нежно.)* Отдай, дядя Ваня! Я, быть может, несчастна не меньше твоего, однако же не прихожу в отчаяние. Я терплю и буду терпеть, пока жизнь моя не окончится сама собою… Терпи и ты.

Пауза.

Отдай! *(Целует ему руки.)* Дорогой, славный дядя, милый, отдай! *(Плачет.)* Ты добрый, ты пожалеешь нас и отдашь. Терпи, дядя! Терпи!

Войницкий *(достает из стола баночку и подает ее Астрову).* На, возьми! *(Соне.)* Но надо скорее работать, скорее делать что-нибудь, а то не могу… не могу…

Соня. Да, да, работать. Как только проводим наших, сядем работать… *(Нервно перебирает на столе бумаги.)* У нас все запущено.

Астров *(кладет баночку в аптеку и затягивает ремни).* Теперь можно и в путь.

Елена Андреевна *(входит).* Иван Петрович, вы здесь? Мы сейчас уезжаем… Идите к Александру, он хочет что-то сказать вам.

Соня. Иди, дядя Ваня. *(Берет Войницкого под руку.)* Пойдем. Папа и ты должны помириться. Это необходимо.

Соня и Войницкий уходят.

Елена Андреевна. Я уезжаю. *(Подает Астрову руку.)* Прощайте.

Астров. Уже?

Елена Андреевна. Лошади уже поданы.

Астров. Прощайте.

Елена Андреевна. Сегодня вы обещали мне,

что уедете отсюда.

Астров. Я помню. Сейчас уеду.

Пауза.

Испугались? *(Берет ее за руку.)* Разве это так страшно?

Елена Андреевна. Да.

Астров. А то остались бы! А? Завтра в лесничестве…

Елена Андреевна. Нет… Уже решено… И потому я гляжу на вас так храбро, что уже решен отъезд… Я об одном вас прошу: думайте обо мне лучше. Мне хочется, чтобы вы меня уважали.

Астров. Э! *(Жест нетерпения.)* Останьтесь, прошу вас. Сознайтесь, делать вам на этом свете нечего, цели жизни у вас никакой, занять вам своего внимания нечем, и, рано или поздно, все равно поддадитесь чувству, — это неизбежно. Так уж лучше это не в Харькове и не где-нибудь в Курске, а здесь, на лоне природы… Поэтично по крайней мере, даже осень красива… Здесь есть лесничество, полуразрушенные усадьбы во вкусе Тургенева…

Елена Андреевна. Какой вы смешной… Я сердита на вас, но все же… буду вспоминать о вас с удовольствием. Вы интересный, оригиналь-

ный человек. Больше мы с вами уже никогда не увидимся, а потому — зачем скрывать? Я даже увлеклась вами немножко. Ну, давайте пожмем друг другу руки и разойдемся друзьями. Не поминайте лихом.

Астров *(пожал руку).* Да, уезжайте… *(В раздумье.)* Как будто бы вы и хороший, душевный человек, но как будто бы и что-то странное во всем вашем существе. Вот вы приехали сюда с мужем, и все, которые здесь работали, копошились, создавали что-то, должны были побросать свои дела и все лето заниматься только подагрой вашего мужа и вами. Оба — он и вы — заразили всех нас вашею праздностью. Я увлекся, целый месяц ничего не делал, а в это время люди болели, в лесах моих, лесных порослях, мужики пасли свой скот… Итак, куда бы ни ступили вы и ваш муж, всюду вы вносите разрушение… Я шучу, конечно, но все же… странно, и я убежден, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы громадное. И я бы погиб, да и вам бы… несдобровать. Ну, уезжайте. Finita la comedia![4]

Елена Андреевна *(берет с его стола карандаш и быстро прячет).* Этот карандаш я беру себе на

---

4 Примечания: 4
Комедия окончена! *(ит.)*

память.

Астров. Как-то странно… Были знакомы и вдруг почему-то… никогда уже больше не увидимся. Так и всё на свете… Пока здесь никого нет, пока дядя Ваня не вошел с букетом, позвольте мне… поцеловать вас… На прощанье… Да? *(Целует ее в щеку.)* Ну, вот… и прекрасно.

Елена Андреевна. Желаю вам всего хорошего. *(Оглянувшись.)* Куда ни шло, раз в жизни! *(Обнимает его порывисто, и оба тотчас же быстро отходят друг от друга.)* Надо уезжать.

Астров. Уезжайте поскорее. Если лошади поданы, то отправляйтесь.

Елена Андреевна. Сюда идут, кажется.

Оба прислушиваются.

Астров. Finita!

Входят ***Серебряков, Войницкий, Мария Васильевна*** *с книгой,* ***Телегин*** *и* ***Соня****.*

Серебряков *(Войницкому).* Кто старое помянет, тому глаз вон. После того, что случилось, в эти несколько часов я так много пережил и столько передумал, что, кажется, мог бы написать в назидание потомству целый трактат о том, как надо жить. Я охотно принимаю твои извинения

и сам прошу извинить меня. Прощай! *(Целуется с Войницким три раза.)*

Войницкий. Ты будешь аккуратно получать то же, что получал и раньше. Все будет по-старому.

Елена Андреевна обнимает Соню.

Серебряков *(целует у Марии Васильевны руку).* Maman…

Мария Васильевна *(целуя его).* Александр, снимитесь опять и пришлите мне вашу фотографию. Вы знаете, как вы мне дороги.

Телегин. Прощайте, ваше превосходительство! Нас не забывайте!

Серебряков *(поцеловав дочь).* Прощай… Все прощайте! *(Подавая руку Астрову.)* Благодарю вас за приятное общество… Я уважаю ваш образ мыслей, ваши увлечения, порывы, но позвольте старику внести в мой прощальный привет только одно замечание: надо, господа, дело делать! Надо дело делать! *(Общий поклон.)* Всего хорошего! *(Уходит.)*

За ним идут Мария Васильевна и Соня.

Войницкий *(крепко целует руку у Елены Андреевны).* Прощайте… Простите… Никогда больше не увидимся.

Елена Андреевна *(растроганная).* Прощайте, голубчик. *(Целует его в голову и уходит.)*

Астров *(Телегину).* Скажи там, Вафля, чтобы заодно, кстати, подавали и мне лошадей.

Телегин. Слушаю, дружочек. *(Уходит.)*

Остаются только Астров и Войницкий.

Астров *(убирает со стола краски и прячет их в чемодан).* Что же ты не идешь проводить?

Войницкий. Пусть уезжают, а я… я не могу. Мне тяжело. Надо поскорей занять себя чем-нибудь… Работать, работать! *(Роется в бумагах на столе.)*

Пауза; слышны звонки.

Астров. Уехали. Профессор рад небось! Его теперь сюда и калачом не заманишь.

Марина *(входит).* Уехали. *(Садится в кресло и вяжет чулок.)*

Соня *(входит).* Уехали. *(Утирает глаза.)* Дай бог, благополучно. *(Дяде.)* Ну, дядя Ваня, давай делать что-нибудь.

Войницкий. Работать, работать…

Соня. Давно, давно уже мы не сидели вместе за этим столом. *(Зажигает на столе лампу.)* Чернил, кажется, нет… *(Берет чернильницу, идет к шкапу и наливает чернил.)* А мне грустно, что

они уехали.

Мария Васильевна *(медленно входит).* Уехали! *(Садится и погружается в чтение.)*

Соня *(садится за стол и перелистывает конторскую книгу).* Напишем, дядя Ваня, прежде всего счета. У нас страшно запущено. Сегодня опять присылали за счетом. Пиши. Ты пиши один счет, я — другой…

Войницкий *(пишет).* «Счет… господину…»

Оба пишут молча.

Марина *(зевает).* Баиньки захотелось…

Астров. Тишина. Перья скрипят, сверчок кричит, Тепло, уютно… Не хочется уезжать отсюда.

Слышны бубенчики.

Вот подают лошадей… Остается, стало быть, проститься с вами, друзья мои, проститься со своим столом и — айда! *(Укладывает картограммы в папку.)*

Марина. И чего засуетился? Сидел бы.

Астров. Нельзя.

Войницкий *(пишет).* «И старого долга осталось два семьдесят пять…»

Входит ***работник***.

Работник. Михаил Львович, лошади поданы.

Астров. Слышал. *(Подает ему аптечку, чемодан и папку.)* Вот, возьми это. Гляди, чтобы не помять папку.

Работник. Слушаю. *(Уходит.)*

Астров. Ну-с… *(Идет проститься.)*

Соня. Когда же мы увидимся?

Астров. Не раньше лета, должно быть. Зимой едва ли… Само собою, если случится что, то дайте знать — приеду. *(Пожимает руки.)* Спасибо за хлеб, за соль, за ласку… одним словом, за все. *(Идет к няне и целует ее в голову.)* Прощай, старая.

Марина. Так и уедешь без чаю?

Астров. Не хочу, нянька.

Марина. Может, водочки выпьешь?

Астров *(нерешительно).* Пожалуй…

Марина *уходит.*

(После паузы.) Моя пристяжная что-то захромала. Вчера еще заметил, когда Петрушка водил поить.

Войницкий. Перековать надо.

Астров. Придется в Рождественном заехать к кузнецу. Не миновать. *(Подходит к карте Африки и смотрит на нее.)* А, должно быть, в этой самой

Африке теперь жарища — страшное дело!

Войницкий. Да, вероятно.

Марина *(возвращается с подносом, на котором рюмка водки и кусочек хлеба).* Кушай.

Астров пьет водку.

На здоровье, батюшка. *(Низко кланяется.)* А ты бы хлебцем закусил.

Астров. Нет, я и так… Затем всего хорошего! *(Марине.)* Не провожай меня, нянька. Не надо.

Он уходит. Соня идет за ним со свечой, чтобы проводить его; Марина садится в свое кресло.

Войницкий *(пишет).* «2-го февраля масла постного 20 фунтов… 16-го февраля опять масла постного 20 фунтов… Гречневой крупы…»

Пауза. Слышны бубенчики.

Марина. Уехал.

Пауза.

Соня *(возвращается, ставит свечу на стол).* Уехал…

Войницкий *(сосчитал на счетах и записывает).* Итого… пятнадцать… двадцать пять…

Соня садится и пишет.

Марина *(зевает).* Ох, грехи наши…

Телегин *входит на цыпочках, садится у двери и тихо настраивает гитару.*

Войницкий *(Соне, проведя рукой по ее волосам).* Дитя мое, как мне тяжело! О, если б ты знала, как мне тяжело!

Соня. Что же делать, надо жить!

Пауза.

Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный, длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалится над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем. Я верую, дядя, я верую горячо, страстно… *(Становится перед ним на колени и кладет голову на его руки; утомленным голосом.)* Мы отдохнем!

Телегин тихо играет на гитаре.

Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую… *(Вытирает ему платком слезы.)* Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь… *(Сквозь слезы.)* Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди… Мы отдохнем… *(Обнимает его.)* Мы отдохнем!

Стучит сторож.

Телегин тихо наигрывает; Мария Васильевна пишет на полях брошюры; Марина вяжет чулок.

Мы отдохнем!

Занавес медленно опускается

1897